

Границы и условия для развития коммуникативного знания
в советской социально-гуманитарной науке

При знакомстве с научной литературой, созданной советскими исследователями в 60-80-х годах XX века и затрагивающей проблемы социальной коммуникации, перед нами предстает интересная картина. Вопреки ожиданиям – ведь в то время в СССР никакой теории коммуникации не могло быть по определению – мы находим немало подготовленных социологами, психологами, философами, культурологами, филологами работ, которые можем классифицировать как труды по коммуникативистике. Посвящены эти исследования преимущественно двум проблемам: межличностному общению и массовой коммуникации, понимаемой как взаимодействие СМИ с аудиторией. В этом массиве литературы мы практически не находим исследований ни по теоретико-методологическим аспектам коммуникативистики, ни посвященных иным типам и формам социальной коммуникации. Создается впечатление, что на том этапе все социально-коммуникативные процессы приравнивались либо к межличностному общению, либо к взаимодействию средств массовой информации с аудиторией. Другие же аспекты информационного взаимодействия, например, связанные с коммуникацией деловой и профессиональной, межкультурной и политической, коммуникацией в группах, практически не рассматривались. Почему? Они не были востребованы.

На предприятиях и в организациях, колхозах и армии, государственном управлении и коммунистической партии, школах и университетах – в публичной сфере нигде – навыки коммуникации не считались в советское время приоритетными. Ни от выпускника вуза, ни от специалиста, ни от гражданина в профессиональной, общественной или личной жизни даже не требовалось быть просто коммуникабельным. Вспомним тотальную шпиономию, характерную для определенных лет советской власти, когда открытая, доброжелательная по отношению к незнакомому или малознакомому собеседнику коммуникация приравнивалась в лучшем случае к болтливости и глупости, а в худшем – к сознательному выбалтыванию «секретов Родины» и, значит, к предательству. «Болтун – находка для шпиона» – этот месседж советская идеология транслировала через все имеющиеся в распоряжении каналы, от детской литературы до резолюций партийных съездов. Тем более не требовалось от советских людей развивать навыки коммуникативной компетентности – уметь говорить так, чтобы другие слушали, и уметь слушать так, чтобы другие говорили, было просто неважно. Выработка и обсуждение любых мало-мальски значимых решений и их последующее

принятие не сопровождалось общественными дебатами, так как в основе прохождения этих решений лежали принципы «коммуникации истолкования».

Истолкование – тип монологической (в большинстве случаев «сверху вниз») коммуникации, при которой статус источника несравнимо выше статуса получателя информации. Соответственно в таком типе коммуникации истинное знание не добывается в процессе дискуссии, а испрашивается и спускается «сверху», т. е. это истина высшего порядка, результат «откровения», а не усилий самой личности. Истина не добывается путем познания, а раскрывается божеством своему избраннику (приобретающему статус пророка), который далее обязан раскрывать ее остальным. Таким божеством, владеющим истиной, может стать личность светская, например, начальник в профессиональной коммуникации или Коммунистическая партия Советского Союза – в политической. В последнем случае в качестве «первослова» воспринималось марксистско-ленинское учение, в качестве посредника – вожди мирового пролетариата и «лично товарищ Сталин».

В противовес невостребованности публичной коммуникации как общения различных социальных групп советские люди находили отдушину в межличностном взаимодействии, понимаемом как особая форма коммуникации, которая требует сотворчества и сопереживания. Именно этим социально-политическим и социально-культурным контекстом объясняется, на наш взгляд, противопоставление понятий «коммуникация» и «общение», характерное для советских исследователей. В эпоху тотального контроля публичной сферы, разрыва между формальными и неформальными коммуникациями межличностное общение было особенно значимо. Соответственно исследовать сферу межличностного общения было не только можно – информация, выработанная в процессе его, не перетекала в публичную коммуникацию, но и нужно – оно выполняло компенсаторную функцию восполнения дефицита социального взаимодействия.

По сходным – идеологическим – причинам значительное количество научных исследований было посвящено и анализу средств массовой информации. Полагая СМИ рупором государства и звеном в передаче информации от коммунистической партии к массовой аудитории, правящая элита очень высоко оценивала роль СМИ и санкционировала исследования, способные оптимизировать данный тип информационного взаимодействия.

Вступив, с одной стороны, на путь демократических преобразований всех сфер общества, а с другой – в информационный век, мы по-иному смотрим теперь на такую науку, как теория коммуникация. По меткому выражению исследователя Т. Пановой, падчерица советского периода сегодня становится принцессой [1, с. 202]. Это превращение связано с переходом от коммуникации истолкования – армейского варианта иерархической коммуникации, где роль получателя информации была резко заниженной, к новому,

демократическому, когда аудитория перемещается с пассивных на активные позиции. Теория коммуникации и позволяет наладить эти связи между властью и населением, между фирмой и клиентом, между производителем и потребителем. В дополнение к прямой связи, где мы уже достаточно преуспели в советское время, приходит обратная, значительно повышающая роль получателя информации.

Литература

1. Панова, Т. М. Коммуникация в постсовременном обществе / Т. М. Панова // Материалы XXXVII науч.-техн. конференции по итогам работы профес.-препод. состава СевКавГТУ за 2007 г. Т. 1. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2008. -- С. 202--203.